

18+
ΑΛΑΝ ΡΟΥΣ

**STELLA
SPLENDENS**

Алан Ноус

Stella Splendens

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60968181

ISBN 9785005151650

Аннотация

На пороге второй мировой войны мир изменился. Наружу показались самые неожиданные качества людей и даже целых государств. Ребечке Крист – дочери священника небольшого городка – предстоит столкнуться со всеобъемлющей ложью и жестокостью... Что ожидает её в конце пути?

Содержание

Глава 1: Знакомство с родителями	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Stella Splendens

Алан Ноус

© Алан Ноус, 2020

ISBN 978-5-0051-5165-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Знакомство с родителями

Stille Nacht, heilige Nacht!
Alles schläft, einsam wacht
Nur das traute, hochheilige Paar.
Holder Knabe im lockigen Haar,
Schlaf in himmlischer Ruh.

Agnus Dei

Stille Nacht, heilige Nacht!
Hirten erst kundgemacht,
Durch der Engel Halleluja.
Tönt es laut von fern und nah:
Christ, der Retter ist da!

Agnus Dei
Aus des Himmels goldenen Höhn
Agnus Dei
Uns der Gnaden Fülle läßt sehn
Agnus Dei
Jener Liebe huldvoll ergoß,
Agnus Dei
Die uns arme Menschen umschloß

Stille Nacht, heilige Nacht!

Gottes Sohn, o wie lacht
Lieb aus deinem göttlichen Mund,
Da uns schlägt die rettende Stund,
Christ, in deiner Geburt.

Agnus Dei
Aus des Himmels goldenen Höhn
Agnus Dei
Uns der Gnaden Fülle läßt sehn
Agnus Dei
Jener Liebe huldvoll ergoß,
Agnus Dei
Die uns arme Menschen umschloß
Agnus Dei
Als der Herr, vom Zorne befreit,
Agnus Dei
In der Väter urgrauer Zeit
Agnus Dei
Aus des Himmels goldenen Höhn
Agnus Dei
Uns der Gnaden Fülle läßt sehn
Agnus Dei

(Немецкая рождественская песня)

24 декабря 1936 года в Ганновере был самым снежным днем за всю зиму. В шутку, горожане говорили, что во всей Германии не сыщется столько снега, сколько намело на главной улице Старого Города. Однако, это никак не повлияло

на Дух Рождества и жители сновали по своим делам в приподнятом настроении, ожидая сочельника, который они проведут в кругу семьи.

Алоис Эргарт шёл под руку со своей матерью – Петрой Эргарт по улице, ведущей к Рыночной Церкви. Сегодня должна была состояться рождественская служба, которую вел Отец Крист (фрау Эргарт он очень нравился, конечно, была в этом и заслуга его фамилии.)

«Отец Крист – настоящий слуга Божий, Алоис, с ним рядом сама душа ближе к небесам», сказала она ему, когда он спросил: не пойти ли им на службу в, скажем, Церковь Святого Эдигия, хотя бы потому, что она ближе?

Сейчас его мать шла и сияла от удовольствия, с улыбкой на румянном и молодом лице. Однако, Алоису она показалась встревоженной где-то глубоко внутри. Только он мог разглядеть это, но не стал беречь её душу. Не сегодня.

– Говорят, сегодня ночью будут петь мою любимую рождественскую песнь, Алоис. «Тихая ночь, Святая ночь». Ах, как она зачаровала меня, когда я была еще совсем ребенком! Я была чуть моложе тебя, мой дорогой, – сказала она и посмотрела на сына.

– Мама, я не ребенок уже вовсе, мне скоро исполнится двадцать один год!, – сказал он и засмеялся. Летом Алоис собирался поступать в военную академию, как и подобает взрослому мужчине. Фрау Эргарт эту идею не одобряла. По правде говоря её охватывала дрожь от одной только мыс-

ли, что её единственный сын может пасть на поле боя.

– Да... да, ты верно говоришь... Ах, не поверишь, как быстро летит время. Казалось, что мне будет 16 лет всегда... В моей молодости всё было иначе, мальчик мой. Я забываю иногда, что дети тогда и дети сейчас – это не одно и то же. Я силюсь понять ваши тревобления, ваши интересы, но тщетно. Мы уже далеко позади, и это пугает, новые времена, Алоис, они пугают. Тогда люди еще и не верили, что может случиться что-то ужасное.

– Вы про...

– Да, – кивнула фрау Эргарт, ее взгляд оторвался от его лица и устремился на шпиль церкви. Полная луна висела высоко, освещая все бледным ярким светом, снежинки кружились в вальсе друг с другом. – Да, я про то самое. Война – это ужасно. Нам осталась только вера. Вера во всё лучшее. Над головой должно быть место только чистому небу и Господу Богу, а не этим твоим истребителям. Но полно. Мы уже пришли.

Горожане уже толпились у входа, толпа гудела в ожидании мессы.

– Помолимся же, сын мой, – она улыбнулась.

Внутри было тепло, всюду свечи перемигивались жёлтыми огоньками, их отсветы плясали на высоких кирпичных стенах. Отца Криста еще не было, кафедра пустовала и в церкви стоял праздничный гомон, люди перешептывались, кто-то смеялся, соседи здоровались и обсуждали пла-

ны.

Только фрау Эргарт с сыном присели на скамью, как она разговорилась со внезапно оказавшейся справа фрау фон Бирих, полной добродушной дворянкой в возрасте. Мать Алоиса часто встречалась с ней в местном литературном клубе и находила эту особу крайне приятной собеседницей.

Всеобщая встреча под сводами церкви в праздничный вечер, запахи корицы и меха, всё это бесконечно мило, но от театральной постановки «Пастух и стадо его» Алоиса крепко тошнило. Он любил мать, очень любил, тем не менее, её интересов и идей не разделял, сколь бы она ни пыталась привить ему свои черты. Временами ему казалось, что он не её сын, иначе как объяснить ту истину, что всё, что ему нравилось – было диаметрально противоположно тому, что так старалась вложить в него мать.

Вот и сейчас он сидел и думал о том, что еще десять минут в этом душном помещении он не сумеет выдержать. «Бог есть Бог и нечего перед ним устраивать спектакли, он ожидает не дурацких песенок, а действий», так рассуждал Алоис, поглядывая на потный затылок сидящего спереди мужчины. Лицом он не выказывал ни малейшего неудовольствия.

Мать была против его военной карьеры, она не понимала зачем это нужно ее сыну и почему бы не стать юристом, ведь «Юриспруденция сегодня – золотая жила.» Или журналистом. Его дядя Гюнтер звал Алоиса к себе в газету «Еженедельник Ганновера». Мать и не могла бы понять его рве-

ния в академию, ей не объяснить этого чувства, этой жажды полёта! О, если бы она видела как летают орлы! Тогда бы она пустила и своего Орла лететь к Солнцу.

Алоис мечтал стать летчиком истребителя и рвать небеса на своем Focke Wulf! Для этого ему нужно было послушаться мать, пройти через учебные лагеря и обучиться пилотированию, и тогда его цель...

Но он не хотел расстраивать свою милую фрау Эргарт. Не этой зимой, по крайней мере. Он мысленно поставил отметку на календаре и готовился к старту только летом. А до тех пор он будет радовать мать работой у своего дяди в газете и милыми прогулками по улочкам Ганновера.

Его мысли прервала внезапно воцарившаяся тишина, сперва он подумал, что оглох, но затем он услышал неторопливые шаги, это был пастор. Отец Крист.

Сурового вида высокий мужчина с короткими тёмными волосами, религиозный Колосс города, он поднимался по ступенькам на кафедру, держа в одной руке Ветхий Завет. Широкий лоб был испещрён глубокими морщинами. Он пришел на проповедь в белой робе, которая из символа праздника на нем превратилась в накидку аскета.

Однако народу он нравился не своей внешностью, а своими знаменитыми проповедями. В Отце Кристе все же была своя красота. Алоису он напомнил ангела, которого он видел в одной из книг у них дома.

– Я приветствую вас, братья и сестры! – возвестил Отец

Крист с кроткой улыбкой. – Сегодня воистину чудесный день и я рад, что все вы, братья и сестры, собрались на эту проповедь. Это мой любимый день в году, как вы знаете, и в эту ночь я чувствую, что Христос к нам особенно близок, и слушает нас внимательно с небес. Так вознесем же хвалу ему!

Его глаза под очками блеснули в теплом свете от свечей. На мгновение Алоиса все таки зачаровал голос старого проповедника и он понял почему тот так успешен у паствы.

Служба началась, и звон колоколов полетел по городу могучей волной. Голос пастора катился между рядами, наполняя сидящих священным благоговением, уютом, возможно надеждой на будущее, укрепляя их веру. Не поддавался только Алоис. Его взгляд скользил по головам, склонившимся в молитвах, он пытливо изучал окружающих. Внешность, мимика, то, как они держат руки. Лицо многое может поведать о человеке, о его повадках, характере, о том, что у того есть секреты и многом другом. В какой-то момент он понял, что смотрит только на одного человека. Это была невысокая девушка в церковной мантии. Ее светлые, как будто светящиеся изнутри, волосы были собраны в строгий хвост. Она неторопливо ходила по залу и зажигала потухшие свечи. Кроткое, почти без эмоций лицо. Она сосредоточена на выполнении своей работы, но в глазах горит теплый огонь, не от свечей, нет... «Она в исступлении!» – подумал Алоис.

В ее глазах была радость от того, что происходит, она счастлива находиться здесь и помогать, она в восторге от ре-

чи Отца Христа. «Тупица, как и все здесь» – вырвалось у Внутреннего Алоиса. Но какая красивая... Ямочки на щеках, аккуратные черты, такие живые глаза. Что-то теплое заворочалось в груди юноши.

Служба закончилась и все собравшиеся поспешили домой. Эта часть традиции Алоису нравилась больше всего. Праздничный ужин. Сегодня они с матерью ужинали у друзей семьи. Семья Шмидтов была небольшой: Людовик – отец семейства был служащим в администрации Ганновера, Мария – его жена, была домохозяйкой, Ганс – единственный сын, ровесник Алоиса и старший брат малышки Луизы которая по счастливому стечению обстоятельств сегодня праздновала свой четвертый день рождения.

По дороге домой фрау Эргарт молчала — это сильнее встревожило Алоиса. Он думал, что после службы ее напряжение уйдет, но казалось, оно только возросло... неужели она снова расстроилась из-за него? Не стоило тогда настаивать и повышать голос...

– Мама, с вами все в порядке? Вы выглядите подавленно, может Вас одолела жара в том душном помещении?, – спросил Алоис, он снова взял мать под руку.

– Со мной все в порядке, Алоис, не беспокойся так, – она улыбнулась. – Может в самом деле не хватило воздуха, скоро полегчает.

Они продолжали молча идти к дому Шмидтов через квартал от церкви. «Чудесная семья – думала фрау Эргарт —

Ганс, славный юноша, так похож на моего Алоиса.», но для матерей их дети всегда самые лучшие, поэтому Ганс все же уступал Алоису. «Он так смотрел на ту девушку...» – подумала она. Почему мысль о взрослении ее сына так пугала ее? Значит ли это, что она становится старой? Ей же всего 45...

Он не сказал об этом ни слова как они вышли, но она и так догадалась по его глазам, когда он увидел ту помощницу Отца Криста. Он застыл как изваяние, глаз не сводил с нее. Страшно было от того, что он может полюбить кого-то еще, кроме своей семьи. Кроме нее, фрау Эргарт. Она видела как он рос, как из бриджей на подтяжках он вырос до черного фрака и шляпы. Голос из веселого колокольчика стал красивым баритоном, все это время она была с ним, растила его! А его отец, покойный герр Томас Эргарт, как он его любил! Сколько души он вложил в своего мальчишку!

И в то же время она понимала, что это неправильно, это неестественно, что ей так горько. Ведь рано или поздно орел становится орлом, и каждой птичке приходит пора расправить крылья и устремиться наверх...

Она постаралась взглянуть на это с положительной стороны. Чем быть матерью вечно желторотого птенца, почему бы не быть уважаемой фрау Эргарт – матерью Алоиса Эргарта, Великого, Уважаемого! – так она думала. В тот миг, когда она шагала по заснеженной улице, она не знала еще, как мало времени осталось жить ее сыну.

В двухэтажном доме Шмидтов свет горел в каждом окне, фрау Эргарт и ее сына встретили Мария и ее малышка Луиза в нарядном платье. Пока матери обменивались любезностями, Алоис посмотрел на Ганса, стоявшего за лестницей, тот сообщил ему жестом: «Надо поговорить».

После того, как Эргарты подарили рождественские презенты (цветную детскую библию Луизе, дубовую трубку Людовику, шелковый шарф Марии и золотые запонки для Ганса), все собрались за праздничным столом. Дамы ворковали о погоде и накладывали еду, Людовик спрашивал о планах Алоиса на лето. Запахи жареной индейки, корицы и свежей выпечки создавали неповторимую атмосферу. Алоис улыбался, а в его глазах дрожали свечные огоньки.

После того, как все в доме улеглись спать, Ганс и Алоис почти одновременно высунулись из своих комнат и тихо спустились по лестнице на первый этаж. Проходя мимо старых резных часов, Алоис увидел время: стрелки показывали 4:12.

Внизу, они тихо отворили дверь черного хода и прошмыгнули на задний двор к сараю.

– Что стряслось, Ганс? Почему сейчас ты захотел поговорить? Что-то серьезное?

– Алоис..., – Ганс неловко подкурил папиросу и выпустил

огромное облако дыма и пара. – Меня не отпустили. Отец против, как и мать.

Алоис со вздохом засунул руки в карманы и посмотрел на Ганса. Тот ответил ему жалостным взглядом. Горько. Неужели и Ганс? Неужели один Алоис готов противостоять всему миру ради своей мечты?

– Это точно? Нет никакого способа их уговорить?

Ганс покачал головой, в этот момент он напомнил Алоису его, ныне почившую, собаку Гретель. Забавный черный пудель, который так мило размахивал мордой после купаний.

– У меня есть для тебя и хорошая новость, Алоис, может мне с тобой не по пути, но отец сообщил, что недалеко от Ганновера, рядом с Бурведем открыли новый тренировочный лагерь. Это твоя путевка в Люфтваффе!

От этой новости улыбка сама поползла на уши Алоису. Вот так новость. Гора пришла к Магомеду.

– Спасибо, друг, учту. Я крайне расстроен решением твоих родителей, и я надеюсь, наши пути еще пересекутся, Ганс, помни: все в твоих руках.

Он поежился, открыл дверь и ушел.

Ганс еще недолго постоял на крыльце, докуривая. Конечно, все в его руках. А как иначе? И эти самые руки не согласны отдавать его жизнь в лапы убийц. Уже не первый месяц по Германии ходят слухи о польских зверствах, НСДАП называет это «решением вопроса польских евреев» или заворачивают это в более кричащие лозунги о том, что

евреи – угроза всей немецкой нации, но Ганс не был настолько глуп. Семья Ганса тоже, поэтому у его отца нашлось место для него в ратуше, и о том, чтобы идти на службу, да еще и в Люфтваффе даже мысли у него не было.

Когда Алоис заговорил впервые о своей новой мечте год назад, Ганс понял, что пропагандистская машина нацистов работает. И результаты ужасали. Проклятие, Алоис на самом деле свято верил во все, что говорил. Распалившийся и покрасневший Алоис очень живо вещал о том, как они порвут небеса на своих истребителях. У Ганса были немного другие планы, но своему другу детства просто так не откажешь, поэтому и пришлось придумать нехитрую махинацию для того, чтобы выйти из игры.

Еще долго Алоис не мог сомкнуть глаз, разглядывая абажур и думая о разговоре внизу. Ганс, лживый пес. Неужели он и правда думает, что Алоис настолько глуп, что не догадается о том, что он струсил. Страшно расправить крылья. Хочет вечно отсиживаться в своей каморке, в тишине и безопасности... Но может быть все не так просто? Герр Людовик довольно суровых нравов мужчина, в прошлом военный. Неужто военный не желает подобной карьеры своему молодому сыну? Или все-таки были причины уйти? Те, о которых говорила матушка. В самом деле так все ужасно? Может Ганс не солгал и родители действительно не дают ему пойти на службу?

Так или иначе Алоис остался один в своем стремлении,

ему одному придется нести крест, дабы защитить от коварных пришельцев свою страну, свою благородную семью и друзей, даже Ганса. Грустно. Вот был бы кто-нибудь, кто понял бы его по-настоящему... С этой мыслью он уснул.

Утром, когда Шмидты проводили их у порога, Алоис пожал руку мужчинам и увидел в глазах Ганса стыдливую нотку. Он взял под руку мать и пошел домой по свежему снегу, думая только об одном.

«Солгал» – это почему-то так больно кольнуло в сердце и отдалось какой-то безысходностью. Как будто Ганс стоит на пирсе, в то время как Алоис уходит от него на всех парах на корабле, который больше никогда не вернется.

– Мне просто необходимо узнать имя той девицы, — про-
бормотал Алоис в полудреме и перевернулся в постели. Он открыл глаза и уставился в стену, а перед глазами все сиял образ той, что запала ему в память после недавней мессы.

Он не стал завтракать, прошло уже несколько дней с рождества, а в животе все еще тяжело. Алоис вышел из дома. Он брел по улице, снег заметал его серое пальто, его шапку, и проникал, казалось, в самые мысли. Он чувствовал, что ему необходимо вновь навестить рыночную церковь, ибо там что-то возымело власть над его честолюбием и обычным негласным презрением. Что-то... Или кто-то.

По дороге Алоису не попадалось никаких людей, немногие выходили на улицу в такой буран, и Алоис с радостью бы присоединился к тем, кто в домашнем уюте наслаждается теплом трескучего камина. Если бы не такой же огонь, который он углядел в глазах прекрасной незнакомки.

«Всего лишь интерес, игра! Так человек, увидевший редкую птицу или призрак возвращается, чтобы убедиться, что глаза подвели его» – убеждал себя Алоис. Под ногами скрипел снег, он шел, прикрывая воротом лицо от колючего мороза.

К его большому разочарованию, в церкви не оказалось никого, кроме нескольких служек, наводивших свои порядки.

Алоис присел на дальнюю лавку и ударил кулаком по колену.

«Это надо же. Сын Герра Эргарта таскается за какой-то церковной бестолочью. Больно надо. И чем я думал? Надо идти домой.» – думал Алоис.

Он встал, и глядя в пол, поплелся к выходу. За дверью он совершенно случайно сбил с ног пожилую горожанку. Из ее рук выпал пакет со всеми покупками, которые тут же рассыпались по земле и утонули в волнах снега. Алоис сразу нашелся и помог собрать несчастной даме все обратно в котомку. По ее просьбе он проводил ее до дома, где она предложила ему горячего чая, он не отказался, насквозь промерз по дороге.

– Откуда я вас знаю, юный мой друг?, – спросила старуш-

ка, разливая по чашкам чай.

– Не далее как вчера я был на церковной службе в церкви неподалеку, скорее всего мы с вами там и виделись, фрау...

– Бейгль.

– Фрау Бейгль.

– Да, и ведь правда, я там была.

Милая беседа продолжалась еще какое-то время, но потом Алоис откланялся и собрался было уходить, как старушка спросила, чем она еще может его отблагодарить.

– Пожалуй, можете, фрау Бейгль. Люди вашего почетного возраста обычно знают все местные новости (слово сплетни он не стал употреблять, чтобы не обидеть старушку, хотя оба знали, что и сплетнями престарелые горожане кормят друг друга изрядно) а так же и людей. Я ищу одну особу, она была служкой на мессе Преподобного Криста, быть может вы видели её. У нее светлый волос, а глаза...

– О, я знаю о ком вы, юный Эргарт. То дочь самого Отца Криста. Ребекка Крист. С малых лет она при нем в церкви. Всегда помогает ему во всех его делах, будь то в церкви или на ярмарке. Радость отца и всех прихожан. Удовлетворите же моё любопытство, юный Эргарт, окажите услугу, скажите, что вам понадобилось от молодой дочери скромного священника?, – от её лукавого взгляда Алоису захотелось плевать.

Алоис, однако, не посчитал нужным ответить фрау Бейгль и поспешно распрощался с ней, хлопнув дверью прямо перед

ее любопытным носом. Ни к чему старухе знать то, из чего она потом сможет сочинить идиотскую басню.

Интерес все сильнее возобладал над сердцем юного Алоиса. Стало быть девица – дочь священника. Эта новость конечно означала, что у Алоиса нет совершенно никаких шансов завладеть ее вниманием. Всем ведь известно какие они недотроги – эти дочери священников. Сидят до конца дней своих в потертых платьях. Не видят света и не мечтают ни о чем далее как сварганить завтрак для своего святоши-отца. Алоис ничего не терял и не приобретал от этой новости, но в груди заплясали недобрые синие огоньки. Досада по капле заполняла его сердце. Пусть он и не понимал этого пока, но каждая капля все сильнее приближала его к событию, которое перевернет его жизнь.

Наступила весна. Звенела капель: лед таял на крышах домов, лед таял на людских сердцах. Не обошло это и Алоиса Эргарта, который уже совсем скоро собирался записываться в военный лагерь близ Бурведеля и начать восхождение к военным лаврам. Алоис снова начал готовить мать к тому, что ему скоро придется оставить ее и что мирная жизнь всего менее подходит такому существу как он.

– Орёл не может жить в воробьином гнезде, Матушка. Так и я более не могу оставаться, покуда я знаю, что нужен там!, –

повторял Алоис.

Его мать без конца причитала о том, что он нужнее всего здесь, что она не сможет без него и что думать даже не хочет о том, что с ее сыном может что-то случиться. Но Алоис был невменяем и со временем фрау Эргарт сдалась, хоть и обнаруживала изредка свое недовольство намерениями сына.

Теперь единственное, что останавливало Алоиса Эргарта от принятия окончательного решения – это всего одно незаконченное дело. За зиму он успел влюбиться. И по счастливой случайности и полной неожиданности для него самого, его избранницей оказалась Ребекка Крист.

Он стал посещать все церковные службы и как самый истовый католик не пропускал ни одного воскресения, конечно, на радость матери и на изумление самого себя. Он освящал себя крестным знамением, когда все делали это. Пил вино, когда пили его другие. Читал молитвы и пел, когда того требовали от окружающих. Все эти лишения он терпел только ради того, чтобы чаще видеть Ребекку.

Тайный поклонник, шпион и несчастный влюбленный, он предлагал различную помощь церкви, участвовал в реставрациях, совершал подаяния, все это ради того, чтобы находиться рядом с ней подольше и любоваться ее красотой. Которая, к слову, была далеко не очевидна для других молодых людей. Но в глазах Алоиса она расцветала неземным цветком, ведь для влюбленных и оспины – что ямочки на щеках.

Все это, естественно, проскальзывало мимо строгого

взгляда Отца Христа, но не скрывалось от прекрасных глаз самой Ребекки, которая хоть и делала вид, но прекрасно чувствовала женским сердцем, как связано все происходящее.

И однажды в марте Алоис дерзнул и пригласил Ребекку на прогулку, наплевав на участившиеся слухи, его сердце требовало откровения.

Они встретились на рынке, и он предложил ей помочь с тяжелыми сумками. Говорили о погоде и о красивых крокусах в ее саду, а меж тем у Алоиса кончилось терпение и он сказал все прямо, прервав ее на полуслове:

– Ребекка, вы самая прекрасная девушка из всех, что мне доводилось видеть, и, вероятно, придется. Я очарован вашей красотой, мое сердце обливается кровью при мысли, что я могу упустить вас, потому я решил признаться сейчас, чтобы потом ни о чем не жалеть.

В ту же минуту Ребекка остолбенела, белое ее лицо стало, казалось, еще бледнее. Она нервно сглотнула, руки и ноги стали словно из ваты. Внезапно, к удивлению несчастного влюбленного она заплакала и побежала прочь от него, в дом, где с хлопком закрыла дверь. Алоис пробовал ее догнать и поговорить, но Ребекка, казалось, оглохла. Дома она прислонилась спиной к входной двери, и, все еще плача сползла, подмяв под себя свое зеленое платье. Алоис с покупками в руках уставился на дверь, думая, что же теперь делать. Он поставил сумки на порожек у двери и подошел вплотную к ней.

– Ребекка, своими словами я не хотел обидеть вас или задеть, примите мои глубочайшие извинения. Но будь я проклят, если не знал, что меня отвергнут. Прощайте, милая Ребекка, больше я не побеспокою вас. – тихо произнес Алоис и направился широкими шагами прочь от жилища Кристов.

Волна чувств захлестнула несчастную Ребекку, лежащую в полубессознательном состоянии у двери. Она подозревала, что может нравиться Алоису, но все это так неожиданно! Господь всемогущий, это Его ангел спустился к ней. Может она и не была уверена в его намерениях, но свои чувства ей были известны так же хорошо, как и любимые псалмы. С первого взгляда он запал в её сердце, вызвав в нем бурю эмоций, которые были не свойственны ей, как дочери священного сановника. Она слышала, как ровесницы смеются над ней. Ее целомудрие и образ жизни забавляли их, купающихся в мужском внимании. Она твердо (или почти твердо) была намерена нести тяжелый крест своей судьбы и даже подумывала уйти в монастырь.

Но с недавних пор все круто поменялось в ее мыслях и чувствах. Алоис стал для нее милее, чем все расписные ангелы на свете. Она часто корила себя за богохульство, просила прощения у господина за страсть, которая одолевала её по вечерам. Иногда она ощущала непонятное тоскливое чув-

ство, неизвестное ей доселе. Иногда что-то горячее словно ворочалось внизу ее живота, когда она смотрела на него, когда он работал в церкви.

В общем и целом со стороны можно было наблюдать прекрасную молодую девушку, которую воспитали в том обычае, когда ей не дозволено пользоваться своей красотой. Местные молодые люди уверенно обходили вниманием дочь Отца Криста, отдавая приоритет более доступным девушкам, пусть и признавали в тайне, что на Ребекку иногда можно даже заглядеться.

Но не Алоис, которому было совершенно не важно мнение окружающих его людей и, который, казалось, не замечал, что над ним нависает серьезная угроза в виде ее Отца, если он хоть как-то обнаружит свои намерения.

Ребекка встала и едва дошла до комнаты отца на первом этаже. Свет почти не проникал из занавешенного окна. Бледно-желтые лучи высветили небольшой туалетный столик. На столике стояла фотография, которая всегда вызывала трепетную смесь грусти и надежды. На черно-белом снимке стояли ее отец и ее молодая мать. Невероятной красоты блондинка смотрела в объектив, словно понимая, что она сейчас смотрит на свою драгоценную дочь.

«Отец и сам когда-то был влюблен, ведь правда это? Я плод их с матерью любви. А стало быть он должен понять меня, если и меня любят. И если я...» Она утерла слезы рукавом платья. «Или если я полюблю».

Она глубоко вздохнула, постаралась собраться с мыслями, успокоиться и начать работу по дому. Половина из задуманного не вышла, мысли рвали ее, как стая ворон, выбившись из сил, она присела на кухне и обхватила голову руками, тут в дверь громко и часто начали стучать.

Испуганная Ребекка пошла к двери, даже не зная, что думать, и трясущимися руками открыла замок двери. К величайшему ее облегчению это оказались не демоны из Ада, не разъяренный отец и не пришедший мстить за обиду Алоис, а всего лишь мальчишка-разносчик местной газеты.

Отец любил вечером почитать газету за ужином, хотя Ребекка, кажется где-то слышала, что священнослужителям делать это возбраняется.

– Отцу Криту – свежая газетка, а для вас улыбка, сестренка Ребекка!, – крикнул мальчик. Затем он звонко захихикал, обнажив черную пропасть между передними зубами.

– Спасибо, Арни, вот тебе пенни за старания.

– Тебе спасибо, сестрица. Чего я смотрю на тебя и мне грустно становится? Не обидел тебя кто? – ребёнок завел руки за спинку и пошаркал ногой.

– Нет, Арни, ступай.

– Магушка говорит, что врать плохо.

– Арни!

– Ладно, прости, я побежал, не вороти нос, Ребекка, я просто помочь хотел.

Арнольд развернулся и попрыгал по ступенькам, разма-

живая сумкой.

Эта весна пахла обманом. Цветы пахли обманом, поношенная куртка мальчика пахла обманом. Она обманула себя, своего отца и Алоиса. Теперь еще и Арнольд.

– Постой.

Мальчик обернулся с видом человека, который нашел то, что искал.

– Чем могу?

– Подожди минуту, я дам тебе записку. Доставь ее к дому Фрау Эргарт, знаешь, где это?

– Ато.

Она метнулась к себе в спальню, вырвала из тетради чистый лист и наскоро написала записку для Алоиса.

– Ты передашь ее Алоису Эргарту, который живет там.

С этими словами она вручила ему бумажный конвертик без подписи.

– Как скажешь!

Арнольд убежал.

В его руках трепетал на ветру смертный приговор. Преступлением является как деяние, так и бездействие. В тот день сама судьба стала преступницей. Бегущего, с конвертом из дома Отца Криста, мальчишку не поджидало по дороге ничего, что могло бы остановить Смерть, что была легче гусиного пера, легче чем вздох засыпающего ребенка, и которая мчалась к Алоису со скоростью бегущего счастливого мальчишки.

Его не заметил Отец Крист, возвращающийся домой после дневных забот. Он разговорился со своей соседкой, фрау Фицджеральд. Задиры из школы, Бенни и Бонифаций (их часто звали Парой Больших Неприятностей или Бен-Бон) не были осведомлены о планах судьбы, поэтому за одним из поворотов они сбили с ног малыша Арнольда и утащили за угол. Их тупые и грозные лица не принимали никаких аргументов.

– Давай, Арнольд, ты знаешь чего нам надо.

Бенни стукнул мыском ботинка в ключицу Арнольда, который попытался встать.

– Лежать, тюфяк, отдавай нам то, что по карманам распишал.

Арнольд, дрожа всем телом, достал из кармана пригоршню мелких монет и всучил их в толстую сальную руку Бенни.

– А что это у тебя в руках?

– Не могу сказать, эта посылка очень важная! Я не могу вам отдать ее, хоть и бейте меня ногами по ребрам сколько у вас хватит сил!, – прокричал Арнольд и сжался в клубок, прижимая к груди серый конвертик без подписи.

Бонифаций, худой на первый взгляд, наклонился и одной рукой поднял за шиворот бедного Арнольда.

– Что в письме, чертеньш?

Арнольд молчал, что для него же стало хуже, потому что через секунду Бонифаций стукнул его об землю и забрал из его рук письмо, чуть не порвав конверт.

Арнольд хотел было закричать, но Бенни опередил его своим вопросом Бонифацию.

– Что с тобой, друг? Чего ты так привязался к письму? Мы ж собирались только денег забрать.

Но Бонифаций не слушал его, он открыл письмо, кинул конверт на землю и стал читать.

– Ну? Что там?, – Бенни с любопытством таращился на лицо друга.

А пока Арнольд встал и начал пятиться к проходу между домами, где его поймали.

– Друг, ну что там, а? Не томи!, – Бенни потряс друга за плечо.

Арнольд через пару секунд начал понимать что происходит и постарался не засмеяться, чтобы не получить новых тумаков.

– Я...я не могу прочитывать. – пробормотал Бонифаций и уставился в пол.

– Я тоже..., – поддержал друга Бенни.

– Малявка. Скажи от кого письмо и мы тебя отпустим, я даже деньги верну.

– Нет, друг, ты не имеешь ли ввиду..., – начал Бенни

– Да, имею. Виктория с этим дурацким франтом. Она ему записки шлет, хотел вот застукать., – понуриив голову сказал несчастный влюбленный – Бонифаций.

– Оно... от Отца Криста. В дом фрау Эргарт.

– Клянись, что оно не от Виктории.

– Клянусь.

– Бони, мы его что, правда отпустим?, – в глазах Бенни стояла Сама Ниццета.

– Отдай ему его пожитки и пусть бежит. Кто знает, может если мы его оберем, пока он несет письмо от святого отца, то нас покарает Бог и мы будем грешниками. Я не хочу в аду гореть из-за него.

Свободный и снова повеселевший Арнольд с письмом в руках продолжил путь по дороге. Он думал, что все его приключения позади, впереди уже виднелся дом Эргартов, как вдруг, из его рук письмо унес ветер, поднявшийся стеной. Едва ли не плачущий мальчишка Арнольд понесся за ним и бежал, до тех пор, пока силы не покинули его. Он медленно брел по окраине города, над которым уже садилось солнце, и когда дорога привела его к одному из больших дворянских домов, он увидел свою драгоценную посылку. Письмо застряло и свернулось в чугунной изгороди дома фон Граффа.

Мальчик остановился в нерешительности, ему казалось за решеткой что-то есть. Мама однажды рассказывала что-то страшное про фон Граффов... или про их дом... он с призраками, кажется? Ладно, Бог защитил его от хулиганов, Бог поможет ему и на этот раз. Он осторожно двинулся к забору. Он положил письмо в конверт, когда уходил от Бен-Бона, и сейчас этот конверт стал центром этого мира. К нему все сводилось, в нем был смысл, и как у любого сокровища,

у него был охранник.

Какой, он узнал буквально через пару шагов и сразу вспомнил о чем была та страшная история фон Граффов: их псарня, в которой однажды дюжина гончих разорвала на куски пса. Фон Графф был искусным охотником и держал своих гончих голодными и готовыми к охотничьим подвигам. И по немыслимой случайности одна из этих гончих отвязалась этим вечером и готовилась сбежать. По еще одной немыслимой случайности именно эта гончая заболела на днях бешенством и ее воспаленный мозг с крайним рвением принял решение перекусить очень надоедливым мальчуганом, шаркающим своими маленькими ногами по ужасно шумной гальке.

Инстинкт самосохранения разыграл куда сильнее честности и прочих проявлений человечности в юном Арнольде и он ринулся бежать. Позади он слышал как гончая пытается перепрыгнуть забор, как что-то грохнулось в дорожную пыль. Тот же дружище – Герр Страх Быть Порванным В Ключья, подсказал Арнольду, что нельзя оборачиваться и нужно со всех ног бежать куда глаза глядят. Он вопил на всю округу, совершенно позабыв о письме, он бежал как Гелиос в Колеснице бежит вокруг планеты. Благо один из местных жителей догадался по крикам испуганного мальчика, что за ним гонится собака, и забежал домой за ружьем.

Через полминуты собака, любимая гончая фон Граффа – Вайоленс, была мертва. Выстрел в голову сразил со-

баку и она, неловко перевернувшись в воздухе, повалилась к ногам упавшего и выдохшегося мальчишки, который падал в обморок от ужаса и усталости, навалившихся на него за день.

Мокрые от слез глаза малыша Арнольда на мгновение замерли и округлились. Если Бог есть, то сегодня он был на его стороне, сомнений нет.

Тот звук у изгороди. Собака перепрыгнула через изгородь и порвала шкуру на боку, своим ударом она вышибла конверт из прутьев и он, по случайности, прилип к кровоточащему боку обезумевшей собаки. Пока люди сбегались, Арнольд, успел протянуть руку и вырвать конверт, пропитавшийся кровью бешеного пса.

Незаметно улизнув от толпы зевак, собравшихся идти к фон Граффу, Арни, побитый жизнью, весь в пыли, не думавший о содержимом своей руки, брел по улице, его мысли были о доме, он хотел домой, к маме и сестрам-забиякам. Сегодня он понял как их всех любит, даже Ангелу, самую задиристую, с ее рыжими веснушками.

– Эй, мальчик, с тобой все в порядке?

Арнольд поднял голову на голос. В его голове все встало на место. Алоис Эргарт. Сам, целый, прямо перед ним, готовый получить посылку.

Арни разбежался и плюхнул в руку ничего не успевшего понять Алоиса конверт, и смылся.

«Курьер, каких не видывал свет», – подумал про себя Арнольд, заходя в дом. Та весна была насквозь пропитана ложью.

«Дорогой Алоис, я вынуждена искать у Вас прощения за свое поведение. Ваше признание стало полной неожиданностью для меня. Я потеряла равновесие духа, ведь в моей жизни никогда не было ничего подобного. Прошу Вас, если вы еще не утратили вашей решимости, то не откажите мне в просьбе. Можем ли мы еще раз встретиться с Вами у Рыночной церкви завтра? Я буду ждать Вас вечером, за западной стеной в 3 часа после полудня. Стерегитесь моего Отца. Думаю, вы догадываетесь почему.

С уважением, Р. Крист»

Алоис еще долго не засыпал, прокручивая в голове текст письма снова и снова. И только когда на горизонте поднималась заря, ему удалось сомкнуть глаза.

В эту ночь Ребекка молилась у своей постели особенно долго. Красные колени сильно болели, ворс ковра казался, был металлической стружкой.

Ей снова снилась она. Черная Дева Мария. Без голоса, без взгляда, без слуха. Черным монументом она высилась от небес до земли, мертвая и неподвижная. Черная вуаль, как ночь укрывала мраморный лик Марии. Безразличное, невоодушевленное лицо не отражало никаких мыслей. Ребекка никогда не могла понять чего хочет от нее Святая, ибо глаза Марии не видели ничего. Ребекка упала на колени, но нужные слова закончились. «Почему святая дева молчит? – думала Ребекка – пусть она даст мне откровение!»

Каждый раз, когда Черная Дева Мария приходила к ней во сне, слезы лились из глаз Ребекки.

Ночью ей снился кошмар, это она поняла по мокрым пятнам на подушке. Она никогда не могла вспомнить своих кошмаров, и это было ее благословением. Так она считала, ведь ангелы благоволят священникам и их дочкам (соответственно избавляют от кошмаров).

Во многом Ребекка полагалась на волю Божию, но некоторые вещи все же надо было делать самой. Например сегодня ее ожидала судьбоносная встреча с юношей, который поселился в ее нежном сердце. И (к большому сожалению) ангелы здесь были ей не помощники.

В маленьком зеркале в ванной нельзя, конечно, увидеть всего себя, но *juste un peu*... Наплевав на вульгарность своих

мыслей, она встала и присмотрелась к своему лицу в отражении, прикидывая возможный план работ kosmetika...

Солнечный свет ровно ложился на ее лицо и она тщательно всматривалась в себя сверху вниз. Ровный бледный высокий лоб. С довольно симпатичным изгибом, светлые брови. Правильной формы нос, без горбинок, ровные крылья, след веснушек, длинная переносица. Может ли ему это нравиться? Пожалуй. Юная красавица отступила на шаг от зеркала и приложила холодные и мокрые ладони к пылающим скулам. В глазах стояла слезная пелена.

Сомнения уже почти покинули ее, но стыд сжимал горло чугунным хватом. Она шумно вдохнула носом и, плавно выдохнув, снова принялась рассматривать себя в убогом зеркальце, похожем на кривой осколок витража.

Розовые от волнения щеки нельзя было назвать некрасивыми, но было в них что-то мужское, а светлые завитушки смахивали на бакенбарды, усиливая сходство с мужчиной. Яблочно-красные губы, белые ровные и крепкие зубы, всё как у отца. Подбородок делал рот выразительным, ровная ложбинка посередине и...

УСЫ? С первого взгляда незаметные, но все же при ближайшем рассмотрении можно их увидеть. Похожие на пушок гусеницы, на пух кошачьих лапок, черные как смоль УСЫ. Почему никто не говорил ей об этом??? (ПОТОМУ ЧТО ВОКРУГ ОДНИ СЛАБОВИДЯЩИЕ СТАРИКИ ДА ПРОСТИТ ЕЕ ГОСПОДЬ). Может в этом все дело?

Может Алоиса подвело зрение? Может он разочаруется в ней, как только увидит ее ближе? Ребекка Крист с пышными Schnurrhaare!!! В сердце закололо, слезы вновь подступили к ее голубым глазам. Времени было в обрез, скоро ей нужно бежать по приходским делам.

Посетить стариков на соседней улице, отнести несколько посылок знакомым, которые сказались больными и многое, многое другое требовало ее внимания. Времени совсем не было, а из косметических приемов юной девушке были знакомы нижеследующие:

- расчесывание (утреннее)
- расчесывание (вечернее)
- умывание холодной водой (утром и вечером)
- собирание волос на манер конского хвоста.

Ребекка начала терять всякий энтузиазм и настрой, смутные образы неудачи, что ждет ее при встрече с Алоисом бередили душу. Как полагается любой юной барышне, сомнения захлестнули бедную Ребекку с головой. До тех пор пока в ее мыслях огнем не сверкнула блестящая идея. Огнем. Ребекка улыбнулась и побежала на кухню.

– Спасибо, спасибо, дорогая Ребекка, без тебя так сложно, знаешь ли. Ты настоящий ангел, девочка, – лепетала фрау Эстер, принимая из рук Ребекки корзину с цветами.

– Не стоит благодарностей. Доброго вечера вам, а мне пора идти. – откланялась Ребекка.

– Что и даже на чай не останешься?

– Не могу, милейшая фрау Эстер. Меня ждет отец.

– А-а-а...

– Да, всего доброго. – улыбнулась Ребекка и собралась уходить.

– Постой...

Ребекка в нетерпении скрипнула зубами и тут же поругала себя в мыслях за (гнев) спешку.

– Да, grand-mere? – она развернулась.

– А что у тебя на губах? Мне видно, что они грязные-с прищуром спросила бабушка.

– Простите...?

– Губы, что у тебя на губах, милая? Они в чем-то черном. Ты, наверное, неаккуратно покушала, прости меня за грубость...

Колокол Рыночной Церкви стал отбивать третий час после полудня.

Тум-м-м

– Ребекка? Куда ты смотришь, дорогая?

Тум-м-м

– Шоколад. Я должно быть ела шоколад. – сообразила она наконец и стерла копоть со своих губ.

Тумм-м-м.

Алоис в лучшем своем виде стоял за углом церкви с видом, ничего не обозначающим, он словно остановился и уставился в пространство, разглядывая то ли гигантские облака на горизонте, то ли птиц на заборе. Но впечатление было обманчивым, ибо каждую секунду он лихорадочно искал взглядом объект своей страсти, ведь она должна была явиться с минуты на минуту.

Ни цветов, никаких подарков он брать не стал, дабы не привлекать внимания. Ребекка не хотела гласности, очевидно. «Что же... придется повременить, полагаю» – рассуждал он.

В своем фраке он потел, ноги от волнения подкашивались. «И все-таки она согласилась.» – он улыбнулся мысли об этом.

Ребекка издалека еще увидела своего ухажера и залюбовалась. Дыхание спирало, ладони покрылись ледяным потом.

Алоис увидел ее и сердце его дрогнуло. Очаровательная блондинка с пышными, ниспадающими на плечи волосами шла к нему с кротким взглядом. Нужно было обыграть все как случайную встречу и он пошел к ней.

– Добрый веч...

– Я не могу так, милая Ребекка, я требую прогулки в Горном Саду, где на нас будет обращено внимание самое скуд-

ное, нежели здесь. Скажите лишь когда...

Ребекка покраснела и прервала его.

– Нельзя так сразу, господин Эргарт, вы слишком громко говорите. В Горный Сад я не могу попасть, мне путь туда заказан, ведь мой отец может узнать и...

Тут громким шепотом ее снова прервал Алоис

– Какие у вас заботы сегодняшним вечером?

– Алоис!

– Какие? Говорите же.

– Я иду через час с моим отцом в скобяную лавку, за чаем.

– Всего-то?

– Алоис!

– Я найду за вами сегодня вечером. – сказал Алоис. Его взгляд, преисполненный решимости, пронзил Ребекку. И он ушел.

И она ушла, с выпрыгивающим из груди сердцем. Заходящее солнце заливало все ярким оранжевым светом, по небу шли пышные облака, отражаясь на земле темными силуэтами. Но люди этого не видели в силу того, что не могли воспарить как птица. Черный силуэт одного из таких облаков накрыл и Ребекку.

Но то был не обычный силуэт, неровный и бесформенный, то была тень существа из кошмаров Ребекки.

Возмущение, сильный страх и смущение крайней степе-

ни. Десять минут назад Ребекка с отцом вернулись домой. Пока отец раскладывал покупки на их маленькой уютной кухоньке, Ребекка приводила в порядок свои и отцовские вещи в прихожей их немаленького дома.

– Я заварю чай, Ребекка. – крикнул отец, несмотря на то, что его было превосходно слышно.

В последнее время у отца начались серьезные проблемы со слухом, Ребекка полагала, что в силу возраста. Ребекка сильно переживала из-за этого. Он жаловался врачам на тугоухость и постоянный звон в обоих ушах.

– Да, папа.

Ребекка нагнулась, чтобы поднять с пола ботинки отца и заметила, свою тень, а это значило... Входная дверь тихонько скрипнула открываясь. Алоис напустил на лицо улыбку и помог подняться Ребекке, упавшей от неожиданности. Она выглядела так, будто увидела Крампуса. Он пришел, чтобы унести плохую Ребекку в своем страшном мешке для непослушных деток.

– Отец...

Алоис зажал её рот ладонью. Она пахла цветами и металлом.

– Молчите. Укажите рукой вашу комнату, – прошептал Алоис. Спокойно. Он как змея взгляделся в темноту лестницы, поднявшись по которой он оказался бы в ее скромной обители. Ребекка показала вверх и направо. Возмущение. Сильный страх. И, боже правый, крайней степени смущение.

– Грубиян! – шепнула она, когда он ее отпустил, – Отец, у нас гость!

Часы на кухне показывали шесть часов вечера.

Немного удивившись столь позднему визиту гостя, Отец Крист принял Алоиса, не поинтересовавшись причиной визита. За чаем Алоис намеками в разговоре дал понять Отцу Криту, что у него к нему имеется дело, которое относится к разряду тех, что нельзя обсуждать за столом, и, в частности перед дамами.

Отец Крист был прямолинейным человеком. Но его прямолинейность и простодушие не были помехой для расчетливого и цепкого ума, для такта, в частности.

– Ребекка, дочь моя, я право совсем забыл сделать одно дело. Самая мелочь, но я вижу, что ты уже допила чай... Наша добрая соседка, фрау Шульц передала мне цветы, которые я забыл поставить в вазу в твоей комнате. И я боюсь, они совсем завянут, если ты сейчас же не дашь им воды.

Она все поняла.

– Да, Папа. Доброй ночи, господин Эргарт.

Ребекка поднялась, шурша платьем. Половицы лестницы поскрипывали.

Отец Крист и Алоис остались наедине в полумраке кухни. Лампа на круглом деревянном столе играла бликами на белой скатерти.

– Выкладывайте зачем пришли, юный Эргарт. – Отец Крист сложил руки замком и положил их на стол, – Я знал

вашего отца. Я очень скорбел по его утрате. И ваша мать тоже. Он был очень честным человеком. Поэтому что бы то ни было, выкладывайте что у вас на уме, я доверяю вам и хочу помочь, чем смогу. – он наклонился и посмотрел в глаза Алоису.

В азартных играх отец Крист никогда не был замечен, но вид, который ему придавали его роскошные усы и пышные брови делал его очень похожим на карикатурного шулера. Алоис сдержал улыбку.

– Отец Крист, я пришел к вам с величайшим ужасом в душе... – лицо Алоиса было бледным, на нем отображался испуг и... Да, отец Крист видел сомнение. Он видел во многих людях, приходивших к нему, сомнение. Это было естественно. Люди сомневались.

Когда ты приходишь к доктору, он лечит тебя и ты выздоравливаешь. Красная сыпь уходит, кашель больше не мучает тебя. Твои глаза более не желтого оттенка, из них ушел туман болезни. Ты видишь, что тело твое более не поражено хворью. Когда ты приходишь к полицейскому, ища виновника кражи твоей сумки, полицейский ловит воришку и возвращает твою вещь. Ты **ВИДИШЬ ЭТО СВОИМИ ГЛАЗАМИ**.

Но когда ты приходишь к священнику – ты сомневаешься, ведь результат ты не можешь увидеть или почувствовать, потому что священник помогает **ДУШЕ**. Душу вечную и чистую священники наставляют на путь истинный. Священники рассеивают смуту в душах. Но этого нельзя пощупать или

увидеть, поэтому в их глазах бывает сомнение.

И это не беда. Для старого священника это не беда, ибо видит Бог, он будет рассеивать их сомнения, покуда не придет и его срок отбыть в царствие небесное.

Он помогал сотням до этого дня, и поможет этому юноше, дабы сомнение и страх сошли с его лица и он возрадовался, ибо Бог с ним.

– Продолжай, юный Эргарт, не тушуйся.

В глазах Алоиса блеснула искра решимости. Ведь так всегда бывает. Когда у умирающего остается на устах последний грех, о котором он все не решался рассказать. Эта искра есть даже в голосе за перегородкой в Церкви.

Но Бог прощает всех, поэтому они всегда решаются.

– Отец, я... Понимаете, я вожу знакомство со многими людьми. И... когда вам что-то скажет один человек... – Алоис заломил пальцы так, что побелели костяшки, – Вы не примете слова этого человека на веру, если точно не будете уверены в честном имени этого человека. Настает такое время, когда тебя могут обдурить. Сказать чистой воды ложь...

– Юный Эргарт, если ты хочешь узнать, верю ли я тебе на слово, то я уже изложил тебе свое отношение к вопросу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.